

ЭНОЛА
ХОЛМС

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

**1. Энола Холмс
и маркиз в мышеловке**

**2. Энола Холмс
и секрет серой печати**

**3. Энола Холмс
и таинственные букеты**

**4. Энола Холмс
и загадка розового веера**

**5. Энола Холмс
и Леди с Лампой**

**6. Энола Холмс
и зловещие знаки**

НЭНСИ СПРИНГЕР

ЭНОЛА ХОЛМС

и
Леди с Лампой

Москва
2023

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
С74

Nancy Springer
ENOLA HOLMES MYSTERY #5:
THE CASE OF THE CRYPTIC CRINOLINE

Copyright © Nancy Springer, 2009

Иллюстрация на обложке *Алексея Вайнера*

Спрингер, Нэнси.

С74 Энола Холмс и Леди с Лампой : повесть / Нэнси Спрингер ; [пер. с англ. А. Тихоновой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 256 с.

ISBN 978-5-04-100335-7

Энола Холмс еще не оказывалась в настолько запутанной ситуации. Ей одновременно надо раскрыть секрет леди, на долгие годы затворившейся в своей спальне, найти похитителя пожилой владелицы пансиона, разгадать тайну сына умершего лорда — а еще понять, что связало всех этих людей тридцать с лишним лет назад. И ключом ко всему является вышивка на старом синем платье...

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-100335-7

© Тихонова А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Посвящается моей матери —
Женсе Спрингер*

Скутари¹, Турция
1855

*(Впечатлительный
читатель может сразу
перейти к первой главе)*

НА ВЕРШИНЕ ХОЛМА У ГАВАНИ СТОИТ огромная квадратная постройка — прежде служившая казармой для турецкой армии, сейчас она стала адом на земле. Вонь плавающих в море распухших трупов — коровьих, лошадиных, человеческих — и близко несравнима с вонью в этом громадном каменном кубе. На жестком полу лежат плечом к плечу раненые, больные, умирающие, по большей части молодые английские солдаты, а соломенных тюфяков и тонких одеял

---

¹ Сейчас носит название Ускюдар.

хватает далеко не на всех. В аду относительно тихо: несчастные не производят почти никаких звуков — настолько велико отчаяние этих беспомощных, слабых пациентов, жизни которых тысячами уносят инфекции, гангрена и холера.

Один из них, уже без чувств, без надежды пережить эту ночь — юноша всего лет двадцати. Над ним склоняется испуганная девушка, еще моложе его, с которой они женаты меньше года и которая пришла с ним в эти кошмарные места. Многие жены отправились на войну за своими мужьями с младенцами на руках, поскольку солдаты не могли посылать домой конверты с жалованьем и оставшиеся без кормильцев семьи погибли бы от голода.

Однако большинство все равно голодали.

Девушка, подобно всем нежным душам, которым не посчастливилось

оказаться сейчас в Скутари, хранит печальное молчание и дрожит всем телом — ведь ей пришлось увидеть слишком много смертей и она понимает, что может умереть и сама, а на то, чтобы сохранить новую жизнь, которая теплится в ее худом теле, почти и не надеется.

Поодаль от нее стоит сестра милосердия в бесформенном сером балахоне и чепце и промывает уголки глаз одного из солдат, затянутые ослизлой коркой. Она недавно прибыла из Англии вместе с небольшой группой решительно настроенных медсестер, которые надеялись улучшить условия в полевых госпиталях, и им это отчасти удавалось. Они отчищали грязные полы, отмывали от грязи тела, кипятком выводили вшей из одеял. Солдат с заражением в глазах, вполне возможно, ослепнет, но все же ему впору считать себя человеком

везучим, поскольку живыми из тех, кто приезжает в Скутари, домой возвращаются меньше половины.

— Больше глаза руками не трогайте, — наставляет его сестра. — Не важно, как сильно хочется их потерять. Так вы занесете в них заразу.

Тем временем другая сестра делает обход. Это стройная дама с аристократичными чертами, и она держит переносную лампу: ведь за окном уже сгущаются сумерки. Ее симметричное овальное лицо излучает доброту и удивительную безмятежность. Гладкие волосы с аккуратным пробором посередине походят на два коричневых крыла, сложенных под белым кружевным чепцом с завязанными под подбородком лентами. Идет она медленно, останавливаясь почти у каждого тьюфяка и нежным, мелодичным голосом обращаясь к больным:

— Хиггинс, письмо вашей матери отправили... Нет-нет, благодарить не за что. О'Рейлли, вы сегодня ели? Прекрасно. Завтра у меня для вас найдется одеяло. Вы взяли новую мочалку, Уолтерс? — Она задерживается у сестры, которая ухаживает за теряющим зрение пациентом. — Хорошо. Теперь возвращайся к себе. Уже темнеет.

Сестра уходит, и Леди с Лампой движется дальше, но вновь останавливается — на этот раз подле дрожащей девушки, сгорбившейся над лежащим без сознания мужем.

Дама смотрит на него, ставит на пол лампу и сама опускается на холодный каменный пол. Она кладет себе на колени синие босые ноги солдата и начинает растирать их ладонями, вероятно в попытке немного согреть.

— Это все, что я могу для него сделать, — говорит она, обращаясь к мол-

чаливой девушке с широко раскрытыми от ужаса глазами. — Тебе пора собираться ко сну, дитя. Можешь вернуться завтра с утра.

Бедняжка умоляюще смотрит на нее, не произнося ни слова.

Добрая сестра отвечает на эту немую мольбу, как если бы та была произнесена вслух:

— Знаю, дитя, ты не хочешь с ним расставаться, но по правилам ночью в госпитале не должно находиться ни одной женщины, а если мы не будем соблюдать правила, нас могут отправить на кухню или, того хуже, обратно в Англию. — Она говорит тихо, не повышая голоса, а ее узкое лицо не отражает ни усталости, ни сожаления, ни отчаяния и остается ангельски блаженным. — Тогда больные лишатся медсестер, которые о них заботятся хотя бы в течение дня.

Поэтому мы должны уйти. Понимаешь?

Сестра решает, что дитя все поняло — если, конечно, услышало ее слова. Хотя девушка не сдвинулась с места, в глазах ее не читалось сопротивления — лишь изнуряющая усталость.

— Идем. — Дама бережно опускает ноги умирающего на пол, берет свою лампу и поднимается. — Идем, я тебя провожу и освещу тебе дорогу.

Она протягивает девушке согретую теплом света руку, и та нерешительно ее принимает. Сестра помогает несчастной подняться на ноги, и на несколько секунд они обе, держась за руки, замирают над... пожалуй, можно сказать, что над телом.

Тонкие губы девушки шевелятся, и она неожиданно подает голос.

— Энто мой муж, — беспомощно говорит она непонятно к чему.

— Знаю, милая, но все равно...

— Он человек хороший, — продолжает девушка, как будто не слушая добрую сестру. — Звать его Таппер. Томас Таппер. Должен же хоть кто-то окромя меня это знать.

— Конечно, его должны помнить, — ласково заверяет ее Леди с Лампой. Те, кто вернулся из Скутари живым, позже воспевали ее тихий голос, приносящий больным и раненым блаженное умиротворение. — А теперь идем, миссис Томас Таппер.

Глава первая

— МИСС МЕСХОЛ, — СКАЗАЛА МИССИС Таппер, забирая мою пустую тарелку, — у вас найдется минутка посидеть да потолковать кой о чем?

Пожилая и глухая как пень хозяйка пансиона, в котором я обитала, завладела моим вниманием еще до того, как закончила фразу: во-первых, обычно она кричала, а на этот раз говорила тихо, а во-вторых, из-за того, что бедняжка была туга на ухо, мы редко заводили беседу и ее просьба была сама по себе довольно необычной. Признаюсь, предложение «потолковать» от нее поступа-

ло впервые. Чаще всего после скудного ужина — сейчас, к примеру, в сезоне был зеленый лук, и сегодня мне подали рыбно-луковый суп с хлебным пудингом — я кивала ей, выражая таким образом свою благодарность, и покидала столовую, чтобы подняться в свою комнату, запереться там, снять все побрякушки, подкладки и подушечки «мисс Месхол», со вздохом облегчения упасть в уютное мягкое кресло и положить ноги на пуфик.

— Мне б совет не помешал, — продолжила миссис Таппер, водружая глиняную супницу на плиту, как будто это была кастрюля. Остатки хлебного пудинга она бросила в помойное ведро — вместо того чтобы положить их в кошачью миску. Озадаченная тем, что же так встревожило мою хозяйку, я кивнула и жестом показала свою готовность ее выслушать.

— Давайте-ка присядем, — предложила миссис Таппер.

Я, разумеется, уже сидела — за кухонным столом, но мы переместились в другой угол комнаты, который служил «гостиной» — дом миссис Таппер был хоть и чистым, но невероятно тесным; там я опустилась в кресло, а миссис Таппер села на краешек небольшого грубого дивана и посмотрела на меня своими слезящимися серыми глазами.

— Не мое это дело, конечно, ну да я не могла не заметить, што вы не так-то просты, — сказала она, как бы объясняя, почему решилась поделиться своими тревогами со столь юной девушкой. — Не обычная девчонка, какой хотите казаться. И за попрошайку сойти можете, и за блахородную леди, и себя не жалеете — выходите в балахоне монашки...

Я не стала скрывать своего удивления; она не должна была этого знать. Если слухи дойдут до моих братьев, Майкрофта и Шерлока, они отыщут в Ист-Энде пансион, в котором я живу, и моя свобода окажется под угрозой.

Миссис Таппер, похоже, не заметила моего смятения:

— ...в ночь, помохаете холодным да голодным, а хде деньги берете — ну, то Господь только знает. — Она подняла на меня взгляд — мало того что рост у моей хозяйки был небольшой, так она еще и горбилась от старости, и потому я казалась намного ее выше. — Добрая вы душа, мисс Месхол — ну или как там вас звать на самом деле...

— Энола Холмс, — невольно прошептала я. К счастью, миссис Таппер ничего не услышала и продолжила:

— ...и сильный вы человек, так што, надеюсь, сумеете мне помочь.

Не раз она помогала мне — лечила от простуды, выхаживала, обрабатывала синяки и раны. Заботилась обо мне после того, как на меня напал душитель. Приглядывала за мной как мать. Конечно, я не знала наверняка, как ведут себя любящие матери, но миссис Таппер заставляла меня есть кровяную колбасу на завтрак и спасала от меланхолии, что в моих глазах было проявлением материнской любви. Разумеется, я хотела ей помочь!

— Позвольте! — воскликнула я, подаваясь вперед. — Что же произошло?

Она достала из кармашка фартука конверт, очевидно доставленный утренней почтой, и протянула мне, кивнув и жестом показав, чтобы я его открыла и прочла содержимое, как будто это я была глухой, а не она.

Дневной свет из окна — которым миссис Таппер очень гордилась, поскольку

окна облагались налогом, — уже был довольно тусклым, но я с легкостью разобрала жирные печатные буквы, выведенные индийскими чернилами. Впервые мне приходилось видеть такой грубый размашистый почерк. Угловатый, с нажимом, с линиями, похожими на дубинки и рапиры, он четко был виден на плотной бумаге.

ПОЧТОВАЯ ГОЛУБКА С ПИЧЬИМИ
МОЗГАМИ
НЕ МЕДЛЕННО ДОСТАВЬ СВОЕ ПОСЛАНИЕ,
А НЕ ТО ПОЖАЛЕЕШЬ, ЧТО ПОКИНУЛА
СКУТАРИ

Скутари?.. Я перечитала письмо, но ничего не поняла, кроме того, что оно содержит угрозу. Однако каким бы тревожным оно ни было, колючий почерк тревожил меня больше.

— Вам знакома эта рука? — спросила я.